

ПЕРЕВОДЫ

УДК 161/162; 17.02

НОРМА И ДЕЙСТВИЕ

ГЛАВА VI. НОРМЫ, ЯЗЫК И ИСТИНА^{*,**}

Г.Х. фон Вригт

Представлен перевод Е.И. Спешиловой главы «Нормы, язык и истина» книги Г.Х. фон Вригта «Норма и действие». В данной главе произведен логико-лингвистический анализ нормативного языка. Рассматриваются виды норм, способы их формулирования в языке. Вводится понятие деонтического предложения и отмечается его систематическая двусмысленность. Предлагается оригинальное решение вопроса об истинностном значении норм.

Ключевые слова: аналитическая философия, язык морали, деонтическое предложение, нормативное утверждение, нормативная пропозиция, истинностное значение норм.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Георг Хенрик фон Вригт (14 июня 1916 – 16 июня 2003) – выдающийся финский логик и философ, известный, прежде всего, как основатель деонтической логики. Учился в университете Хельсинки под руководством Эйно Кайла, а также в Кембридже под руководством Людвига Витгенштейна, оказавшего на него значительное влияние. В 1941 г. фон Вригт защитил докторскую диссертацию, посвященную исследованию логических проблем индукции, был профессором философии в Хельсинки, а затем преемником Витгенштейна в Кембридже. Вернулся в Финляндию в 1951 г., с 1961 г. – член Академии Финляндии, а с 1968 по 1970-й – ее президент. В период 1965–1977 гг. работал профессором Корнельского университета. Г.Х. фон Вригт знаменит не только как академический философ-логик, один из самых известных исследова-

телей жизни и творчества Л. Витгенштейна, но и как активный публицист, поднимавший актуальные для его времени вопросы¹.

Исследования Г.Х. фон Вригта можно отнести к аналитической философии в широком смысле, однако содержание его исследований несколько отличается от тематики магистральных направлений этой философской традиции. Принципиальной особенностью философствования Вригта является «нацеленность на приложение логики к гуманитарной области», которая приводит его «к идеям построения деонтической логики, логики оценок, предпочтений, логики действий, изменения, времени»². Своими разработка-

¹ Вихавайнен Т. Об авторе // Вригт Г.Х. фон. Три мыслителя. – СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 2000. – С. 6.

² Смирнов В.А. Вклад Г.Х. фон Вригта в логику и философию науки // Логико-философские исследования. – М.: Прогресс, 1986. – С. 7–33.

* Wright G.H. von. Norms, Language, and Truth / von Wright G.H. Norm and Action; пер. Е.И. Спешиловой; под ред. Е.В. Борисова. – London and Henley: Routledge & Kegan Paul, 1963. – P. 93–106.

** Перевод Е.И. Спешиловой.

ми в области интенциональных и модальных логик Г.Х. фон Вригт внес заметный вклад в построение логик неклассического типа.

Русскоязычному читателю идеи фон Вригта известны в первую очередь по книге «Логико-философские исследования», изданной в 1986 году, и по ряду других его работ³. Однако ранние произведения Г.Х. фон Вригта – «Norm and Action» («Норма и действие», 1963) и «The Varieties of Goodness» («Разновидности добра», 1963), в первом из которых он рассматривает нормативный язык, виды норм и действий, а во втором – различные смыслы понятия «добро» и некоторые традиции этики, – до сих пор не переведены на русский язык. Это упущение лишает многих читателей возможности познакомиться с аналитической

философией морали фон Вригта, с его тщательными лингвистическими исследованиями языка норм и анализом нормативного поведения с точки зрения логики действий.

Ниже представлен перевод шестой главы книги «Норма и действие», в которой Г.Х. фон Вригт проводит детальные различия между разными видами норм, а также нормами и аналогичными нормам категориями, рассматривает синтаксис нормативного языка и вводит понятие деонтического предложения (как альтернативы предложению в повелительном наклонении) в качестве адекватного способа выражения норм в языке. Кроме того, в этом тексте автор предлагает оригинальное решение вопроса о наличии/отсутствии у норм истинностного значения, выделяя при этом два способа интерпретации деонтических предложений – дескриптивный и прескриптивный. В данной главе изложены основные идеи фон Вригта, касающиеся логико-лингвистического анализа языка норм, которые он впоследствии уточнил и формализовал в статье «Нормы, истина и логика», переведенной на русский язык П.И. Быстровым. Введение в научный оборот более раннего текста фон Вригта позволяет читателю не только полнее познакомиться с нормативно-логической мыслью названного автора, но и проследить ее динамику.

Пользуясь случаем, выражаю благодарность доктору философских наук, профессору Евгению Васильевичу Борисову, помогавшему разобраться в языковых и смысловых тонкостях переводимого текста.

Г.Х. фон Вригт

³ Вригт Г.Х. фон. Логико-философские исследования: избр. тр. / пер. с англ., общ. ред. Г.И. Рузавина, В.А. Смирнова. – М.: Прогресс, 1986. – 600 с.; Вригт Г.Х. фон. Детерминизм, истина и временной параметр // Философские науки. – 1975. – № 4. – С. 106–119; Вригт Г.Х. фон. Модальная логика мест // Философские науки. – 1977. – № 6. – С. 112–119; Вригт Г.Х. фон. Замечания к русскому переводу логических сочинений Аристотеля // Известия АН Грузинской ССР. Серия философии и психологии. – 1980. – Т. 1; Вригт Г.Х. фон. Диахронические и синхронические модальности // Модальные и интенциональные логики и их применение к проблемам методологии науки. – М.: Наука, 1984. – С. 8–14; Вригт Г.Х. фон. Классическая и неклассическая логики // Интенциональные логики и логическая структура теорий. – Тбилиси, 1985. – С. 37–47; Вригт Г.Х. фон. Логика и философия в XX веке // Вопросы философии. – 1992. – № 8. – С. 80–91; Вригт Г.Х. фон. Людвиг Витгенштейн (биографический очерк) // Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. – М.: Прогресс; Культура, 1993. – С. 9–28; Вригт Г.Х. фон. Три мыслителя. – СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 2000. – 256 с.; Вригт Г.Х. фон. Витгенштейн и двадцатый век // Вопросы философии. – 2001. – № 7. – С. 33–46.

НОРМА И ДЕЙСТВИЕ

ГЛАВА VI. НОРМЫ, ЯЗЫК И ИСТИНА

СОДЕРЖАНИЕ

1. Различие между нормой и формулировкой нормы. Прескрипция не является ни смыслом, ни референтом ее формулировки в языке. Понятие обнаружения. Зависимость прескрипций от языка.

2. Все ли типы норм обусловлены языком? Отношение правил, технических норм и обычаев к языку. Различие норм и оценок в отношении к языку.

3. Некоторые особенности предложений в повелительном наклонении. Не всякое обычное использование повелительного наклонения применяется для провозглашения норм. Не все нормы могут быть сформулированы посредством повелительных предложений. Когда повелительные предложения выступают в качестве формулировок норм, они используются преимущественно, но не исключительно для выражения прескрипций (приказов и запретов). 'Разрешающие императивы'.

4. Язык морали не является видом прескриптивного дискурса, и язык норм не тождественен языку в повелительном наклонении.

5. Некоторые особенности деонтических предложений. Деонтические предложения имеют более богатые семантические возможности для выражения норм по сравнению с повелительными предложениями. Использование деонтических предложений для описания ананкастических взаимосвязей.

6. Использование (обычных) изъявительных предложений в настоящем или будущем времени в качестве формулировок норм.

7. Невозможность определения того, является ли данное предложение формулировкой нормы, исходя из одного только видимого знака. Деонтическую логику нельзя понимать как изучение определенных лингвистических форм речи.

8. Имеют ли нормы истинностное значение? Этот вопрос следует ставить отдельно для различных типов норм. Прескрипции находятся вне категории истинности. Формулировки норм имеют значение, даже если у соответствующих норм отсутствует значение истинности.

9. Систематическая двусмысленность деонтических предложений. Их использование в качестве формулировок норм необходимо отличать от их использования для высказывания нормативных утверждений.

10. Истинностным основанием нормативного утверждения является существование нормы. Нормативные утверждения и нормативные пропозиции.

1. Мы будем проводить различие между *нормой (norm)* и *формулировкой нормы (norm-formulation)*. Формулировка нормы – это знак или символ (т. е. слова), которые используются в выражении (формулировании) нормы.

Когда норма является прескрипцией, формулирование ее в языке порой называется *обнаружением* нормы.

Формулировки нормы принадлежат языку. «Язык» в таком случае должен быть понят в широком смысле. Светофор, например, как правило, служит формулировкой нормы. Жест или взгляд, даже когда они не сопровождаются словами, иногда выражают команду.

Различие между нормой и формулировкой нормы напоминает различие меж-

ду *пропозицией* и *предложением* (*sentence*). Однако мы не предлагаем рассматривать первое различие как особый случай последнего. При достаточно широком употреблении этого термина всякая формулировка нормы может быть названа предложением. Но все ли нормы могут быть названы пропозициями – это спорно; очевидно, что некоторые нормы (типы норм) не могут быть так названы (см. ниже раздел 8).

Общепринято проводить различие между двумя «семантическими измерениями» – *смыслом* (коннотатом, значением) и *референтом* (денотатом) (cf. Ch. II, Sect. 2)⁴. Сказать, что смысл дескриптивного предложения (Ch. II, Sect. 2) является пропозицией, которую оно выражает, будет вполне убедительным. Некоторые логики и философы хотели бы считать, что референтом дескриптивного предложения является *истинностное значение* пропозиции, которую это предложение выражает. Мне кажется более правдоподобным, что референт – это *факт*, который делает пропозицию, представленную предложением, истинной (cf. Ch. II, Sect. 5). В такой терминологии мы должны были бы сказать, что только предложения, которые выражают истинные пропозиции, имеют референт. Предложения, которые выражают ложные пропозиции, не имеют референта. Однако они не лишены смысла.

Насколько я могу судить, было бы неправильно понимать отношения между нормами и их выражениями в языке всегда по образцу приведенных выше двух «семантических измерений». По крайней мере, нормы, которые являются прескрипциями, не должны быть названы ни референ-

⁴ Здесь и далее Г.Х. фон Вригт ссылается на другие главы книги «Norm and Action». – Прим. пер.

том, ни даже смыслом (значением) соответственных норм-формулировок. Семантика прескриптивного дискурса характерным образом отличается от семантики дескриптивного дискурса. Не следует считать само собой разумеющимся, что понятийный аппарат для работы с последним может быть с таким же успехом применен для изучения первого (прескриптивного) типа дискурса.

Каково тогда отношение между формулировкой нормы и нормой, если вторая не является ни смыслом, ни референтом первой? Мы не будем обсуждать этот вопрос детально. Следующего наблюдения за их взаимосвязью будет достаточно.

Когда норма является прескрипцией, обнаружение нормы, то есть извещение субъектов нормы (исполнителей нормы – *E.C.*) о ее характере, содержании и условиях применения (see Ch. V, Sects. 2–6), является неотъемлемым звеном (или частью) процесса, посредством которого эта норма возникает или вступает в существование (бытие). Использование слов для формулирования прескрипций похоже на употребление слов для того, чтобы давать обещания (cf. Ch. VII, Sect. 8). Оба этих случая можно назвать *перформативным* использованием языка. Вербальный перформативный акт, сверх того, необходим для установления отношения нормирующей инстанции (*norm-authority*) к субъекту нормы (*norm-subject*), как и для установления отношения между обещающим и лицом, которому это обещание дают.

По этой причине прескрипции можно назвать *зависимыми от языка* (*language-dependent*). Существование прескрипций с необходимостью предполагает использование языка в виде формулировок норм. Это не противоречит тому факту, что иногда прескрипции, которые не были публично

сформулированы, могут быть выведены как логическое следствие других предписаний. В главе VIII будет рассмотрено, что именно означает такой логический вывод.

2. Все ли нормы обусловлены языком (language-dependent)? Могут ли, например, существовать правила игры, которые никогда не были сформулированы в языке и которые не являются логическим следствием <уже> сформулированных правил? Никто может научиться играть в игру, не будучи вербально обучен (всем) ее правилам, – например, наблюдая за этой игрой. Но это не доказывает того, что на некотором этапе правила не должны были быть сформулированы. Наоборот, разумно думать, что нормы, которые являются правилами, также обусловлены языком. Однако зависимость правил от языка имеет иной характер, нежели зависимость прескрипций от языка. Формулирование правил игры не является «перформативным использованием языка» (performatory use of language); по крайней мере, если и является, то в ином смысле, нежели приказы или обещания.

Могут ли технические нормы, т. е. нормы относительно необходимых средств для достижения определенного результата, существовать, не будучи сформулированными в языке? Конечно, «объективно» возможна ситуация, в которой некто должен совершить некое действие для того, чтобы достичь определенного результата, но ни этот деятель, ни кто-либо иной не осознают необходимой взаимосвязи между ними, <т. е. между действием и его результатом>. В своем существовании эта взаимосвязь не обусловлена словесной формулировкой. Но ананкастическая взаимосвязь не такова, как техническая норма (see Ch. I, Sect. 7). Следовательно, от не обусловленного языком (language-independent) характера пер-

вой <т. е. ананкастической взаимосвязи> нельзя заключить к не зависящей от языка природе последней, <т. е. технической нормы>.

Обычаи, как мы сказали (Ch. I, Sect. 6), оказывают «нормативное давление» (normative pressure) на членов сообщества. Повидимому, обычаи в значительной мере восприняты в процессе *имитации*. В этом они характерно отличаются от норм, которые являются прескрипциями (законов, правил, приказов). Обычаи, естественно, не устанавливаются так, как зачастую устанавливаются правила (игры); не провозглашаются они и как законы или другие прескрипции. Таким образом, в образовании обычаев язык не играет особой роли. Из всех вещей, которые можно справедливо включить под заголовок «нормы», обычаи, вероятно, менее всего зависят от языка. Определенный интерес представляет вопрос о том, следует ли рассматривать в качестве неотъемлемого <признака> для обычаев то, что они могут существовать только в рамках языковых сообществ, или же можно говорить об обычаях, присущих также животным сообществам; иначе говоря, дискуссия на этот счет может внести интересный вклад в формирование *концепта* обычая. Мы не будем, однако, обсуждать это здесь.

Даже если зависимость характера норм от языка не принимается безоговорочно, очевидно, что существует характерное различие между нормами и ценностями в их соответственном отношении к языку. Возможно, есть также типы оценки, зависящие от языка в том смысле, что они логически невозможны среди существ, которые не владеют языком. Но также очевидно, что существуют реакции, которые достойны названия «оценки», и на доязыковом уровне – среди животных и младенцев. Грубо гово-

ря, оценка – в концептуальном смысле – находится на одном уровне с удовольствием и желанием, нормы – концептуально – на более высоком уровне. Я думаю, нормы логически предполагают наличие оценки, – но оценки могут существовать независимо от норм. Зависимость от языка существенным образом маркирует нормы как концептуально более высокие, нежели ценности.

3. Мы не будем здесь принимать во внимание такие формулировки норм, как жесты или указатели, которые не относятся к «языку» в узком смысле этого термина. За исключением их, существует *два* грамматических типа предложений, которые особенно значимы для языка норм. Один тип – это предложения в *повелительном наклонении*. Другой – предложения, которые содержат то, что я предлагаю называть *деонтически-ми* вспомогательными глаголами. Основные деонтические глаголы – это «должен» (ought), «может» (may) и «не должен» (must not). Нам следует называть первый тип предложений повелительными (imperative sentences), а второй тип – деонтическими предложениями (deontic sentences).

Полезно по отдельности поднять два вопроса, касающихся отношения повелительных предложений к нормам:

(а) Используются ли повелительные предложения преимущественно или даже исключительно как нормы-формулировки?

(б) Могут ли все нормы быть сформулированы посредством повелительных предложений?

Повелительное наклонение (imperative) означает по своему происхождению то же, что и «приказание» (commanding). Из этого не следует, однако, что всякое использование повелительного наклонения служит для приказа. Есть несколь-

ко типичных употреблений императива не для этой цели. Например, в молитвах: «Хлеб наш насущный дай нам на сей день», «Взгляни на нас в милости». Говорить, что эти высказывания выражают приказания, значит не только чрезвычайно отступить от обычного словоупотребления, но и игнорировать важные свойства логики (логика молитвы отличается от логики команды). Молитвы – это ни нормы того типа, что мы называем прескрипциями, ни нормы каких-либо других типов, которые мы уже рассмотрели. Как мне известно, значение термина «норма» является нечетким и гибким. Однако это не дает достаточных оснований для того, чтобы называть молитвы нормами.

Другое характерное использование повелительного наклонения не для приказания – в просьбах («пожалуйста, подайте мне...») и предостережениях («не доверяйте ему»). Просьбы и предостережения не являются нормами какого-либо типа из тех, что мы уже выделили. Их, возможно, следует назвать *аналогичными нормам (norm-like)* категориями. Они больше похожи на нормы, чем молитвы.

Примем во внимание также такие формы выражения, как «не бойтесь», «не волнуйтесь», «давайте предположим, что ...». Это общепринятое и привычное использование повелительного наклонения. Но только при искаженном использовании термина «норма» мы могли бы назвать высказывания, о которых здесь идет речь, формулировками норм.

Ответ на первый из двух вышеприведенных вопросов, таким образом, отрицательный.

Ответ на вопрос о том, каждая ли норма может быть изложена в повелительном наклонении, осложняется тем фактом, что морфологический характер повелительно-

го наклонения в большинстве языков представляется весьма расплывчатым. Можно сказать, что глагол в повелительном наклонении часто зависит от того, как был понят контекст, в котором этот глагол встречается. <К примеру>, «не волнуйтесь» (You take it easy). Глагол take – в изъявительном или повелительном наклонении? На этот вопрос нельзя ответить только на основании размышлений о грамматической форме.

Повелительные предложения, которые употреблены как формулировки норм, используются преимущественно для выражения прескрипций. Представляется убедительным, что каждая прескрипция O-характера⁵, т. е. приказ или запрещение, может быть выражена посредством предложения в повелительном наклонении – хотя убедительность этого тезиса отчасти обусловлена нашей склонностью рассматривать значение предложения в качестве критерия для обозначения его наклонения как повелительного. Но разрешающие прескрипции, или прескрипции P-характера, обычно выражаются посредством деонтических предложений, использующих глагол «позволено» (may) в сочетании с глаголом совершения этого разрешенного. Если мы придерживаемся мнения, что разрешения являются запрещениями, адресованными «третьей стороне», то мы вправе утверждать, что они могут быть сформулированы косвенным образом с помощью императива («не мешайте...», «позвольте ему сделать...»). Но даже тогда остается фактом то, что разрешения, когда они напрямую обращены к их адресату (permission-holder), выражаются через предложения позволения (may-sentences).

Существует, однако, тип повелительных предложений, обычная функция которых

⁵ Обязывающего характера. – Прим. пер.

состоит в выражении разрешений. Я имею в виду форму «сделайте это, если хотите» или «сделайте это, если вам угодно».

Иногда предложения-императивы категориальной формы «делай так-то» тоже выражают разрешения, а не приказы или запреты. Если, гуляя по тротуару, я достигаю перекрестка и светофор показывает «переходи сейчас», то норма (прескрипция), адресованная мне с этими словами, является разрешением пересечь улицу, а не приказом сделать это⁶.

Было бы сущим педантизмом полагать, что разрешение некорректно сформулировано, потому что оно дано в повелительном наклонении. Но кажется правильным расценивать повелительные предложения категориальной формы «делай так-то», когда они использованы для изложения разрешений, в качестве сокращенной, или эллиптической, формы предполагаемых повелительных предложений «делай так-то, если желаешь». Так, «переходи сейчас» светофор, адресованное пешеходам, это укороченная форма от «переходи сейчас, если желаешь».

Хотя повелительные предложения как формулировки норм используются преимущественно для выражения норм, которые мы называем прескрипциями, было бы ошибкой думать, что это их единственная функция. Сказать «если ты хочешь сделать хижину пригодной для жилья, утепли ее» грамматически не менее корректно, нежели сказать «если ты хочешь сделать хижину пригодной для жилья, ты должен утеплить ее». Эти высказывания обычно понимаются в одном значении. Было бы неправильно говорить, что первым предложением выража-

⁶ Я обязан профессору Гранёю (Granøy) тем, что он обратил мое внимание на этот яркий пример «разрешающего императива».

ется команда, а вторым – правила относительно средств для достижения цели. Функции повелительного наклонения в «если ты хочешь сделать хижину пригодной для жилья, утепли ее» и в «если начался дождь, закрой окно» различны. Первое повелительное предложение выражает техническую норму, второе – гипотетическую прескрипцию (команду, приказ).

4. В современной философии, в том числе и в моральной, существует явная тенденция делать значительный акцент на языке. «Этика, – говорит один современный автор,⁷ – это логическое изучение языка морали». А язык морали он понимает как «прескриптивный язык»,⁸ поэтому «исследование императивов – это, безоговорочно, лучшее введение в изучение этики»⁹. Он осознает тот факт, что императивы – это «разнообразная группа»¹⁰, но все-таки решает «следовать за грамматиками и использовать общий термин “команда” (command) для того, чтобы охватить все виды ситуаций, которые выражают предложения в повелительном наклонении»¹¹. Он делает так, потому что его интересуют «свойства, которые являются общими для всех или почти всех таких типов предложений»¹². По-видимому, существование таких свойств он считает само собой разумеющимся, как и то, что его читатели «несомненно, вполне осведомлены» о различиях между видами императива¹³.

Я сомневаюсь в продуктивности этого предложения: начинать философскую этику с логического исследования языка в по-

велительном наклонении. Я надеюсь, что некоторые мои основания для несогласия с этим взглядом очевидны из вышеприведенного краткого наблюдения (в разделе 3) за повелительными предложениями и их значениями. Понятие повелительного наклонения – будь то в качестве морфологической или семантической категории – не является достаточно ясным и однородным для того, чтобы обосновать пусть даже предварительное отождествление норм со значением предложений в таком наклонении вполне убедительным.

Характеристика языка норм как «прескриптивного» не была бы неправдоподобной. Она предполагала бы, однако, либо более широкое использование термина «прескриптивный», либо более узкое употребление термина «норма», чем здесь. Предписания и прескрипции, в нашем использовании этих слов, несомненно играют важную роль в нравственной жизни человека. Но, если только мы не придерживаемся теонормного взгляда на мораль, моральные нормы (принципы) едва ли можно рассматривать как прескрипции в нашем смысле этого слова. И независимо от того, называем ли мы моральные нормы «прескрипциями» или нет, остается сомнительным, что <все> моральные нормы могут быть сформулированы в повелительном наклонении. Рассмотрим, например, принцип, что обещания должны (ought) выполняться. Мы можем призывать – и часто призываем – людей выполнять их обещания, обращаясь к ним с предложением «держи свое слово» или с подобными повелительными предложениями. Используя такие предложения, можно приказывать людям держать свое слово и запрещать его нарушать. Тогда это прескриптивное использование языка, т. е. использование языка в мо-

⁷ R.M. Hare, *The Language of Morals* (1952), Preface, p. v.

⁸ Op. cit., p. 1.

⁹ Op. cit., p. 2.

¹⁰ Op. cit., p. 4.

¹¹ Op. cit., p. 4.

¹² Op. cit., p. 4.

¹³ Op. cit., p. 4.

ральных целях, и в этом смысле такие высказывания суть «моральный язык». Но моральную норму (принцип), что обещания следует выполнять, едва ли можно отождествить с командой (или запретом), которая может быть выражена в предложении «держи свое слово» и аналогичных повелительных предложениях. Подходящее для формулировки моральных принципов лингвистическое средство не является речью в повелительном наклонении.

Этика, далее, связана с ценностями точно так же, как и с нормами. Мне кажется, что характеристика языка оценок как «прескриптивного» сбивает с толку¹⁴. И поэтому основывать философское изучение ценностей на логическом исследовании императивов было бы также заблуждением.

Существует область лингвистических форм, о которых можно сказать, что их отношение к оценочным суждениям (*value-judgments*) в чем-то аналогично отношению между нормами и предложениями в повелительном наклонении. Это часть речи и синтаксическая категория, называемая *междометием* (*interjections*). Весьма приблизительно говоря: оценивание больше похоже на восклицание, чем на предписа-

¹⁴ Хэар (op. cit., p. 3) классифицирует императивы и оценочные суждения под общим заголовком «Прескриптивный язык». Это приводит к замутнению концептуального (логического) различия между нормами и оценками. Следующее высказывание одного выдающегося современного философа можно считать «классическим» примером того, как размываются различия в этой сфере: «Легко увидеть: выражаем ли мы норму, выносим ли мы оценочное суждение, – различие только в формулировке. Норма или правило имеют повелительную форму ... в действительности оценочные утверждения есть не что иное, как команда в обманчивой грамматической форме». Раннюю критику этой путаницы смотри в статье Торгни Т. Сегерштедта (Torgny T. Segerstedt) «Imperative Propositions and Judgments of Value» в [журнале] *Theoria*. – 1945. – 11.

ние. Отсюда, однако, не следует отрицание того, что оценочный и прескриптивный дискурс логически тесно связаны. Это также не означает, что изучение междометий – это лучшее или хотя бы хорошее введение в исследование ценностей.

5. Два вопроса, которые мы поставили в разделе 3 касательно отношения повелительных предложений к нормам, можно *mutatis mutandis* поставить и для деонтических предложений.

(а) Используются ли деонтические предложения преимущественно или даже исключительно как нормы-формулировки?

(б) Могут ли все нормы быть сформулированы посредством деонтических предложений?

Отвечая на эти вопросы, мы должны принять в расчет неотчетливость обоих концептов – «деонтическое предложение» и «норма».

Логично считать, что ответ на второй из вышеприведенных вопросов является утвердительным. Можно дать такое частичное определение термина «норма»: каждая норма состоит в том, что нечто должно (*ought*) или может (*may*), или не должно (*must not*) быть (или быть сделано). Тогда из этого определения тривиальным образом следовало бы, что каждая норма может быть выражена в деонтическом предложении.

Однако, – отвлекаясь от вопроса об определении понятия «норма», – очевидно, что деонтические предложения как формулировки норм имеют более богатые *семантические возможности* (*semantic capacity*), нежели повелительные предложения. На это есть две основные причины. Первая – это отсутствие специфической формы «разрешающего императива», соответствующего деонтическому слову «может» (*may*);

вторая – то, что повелительная форма, используемая в нормативных формулировках (norm-formulations), обычно применяется для выражения прескриптивных норм. Деонтические же предложения, по-видимому, не привязаны к какому-то исключительному типу норм.

Ответ на первый из упомянутых вопросов, бесспорно, отрицательный. Помимо использования деонтических предложений в качестве формулировок норм, существуют два других их применения, в равной степени общепринятых и типичных.

Одно из них – это использование деонтических предложений для утверждения *ананкастических* (cf. Ch. I, Sect. 7) *взаимосвязей*. «Если хижина является пригодной для жилья, она должна (ought) быть утеплена» не выражает норму, но утверждает факт о природной необходимой связи. Соответственно нашему нестрогому определению <деонтических предложений> данное предложение можно считать деонтическим.

Хотя в предложениях, в которых утверждаются необходимые связи (necessary connections), часто используется слово «должно» (ought), выражающее неизбежность, эти предложения могут формулироваться также с употреблением слова «необходимо» (must). Например, «если хижина является пригодной для жилья, то ее необходимо (must) утеплить». Напрашивается предположение, что предложения, в которых используется слово «необходимо», более адекватно выражают ананкастические взаимоотношения, чем предложения со словом «должно». Во всяком случае, кажется, что всегда можно заменить предложения должествования (ought-sentences), которые используются для утверждения ананкастической взаимосвязи, предложениями необходимости (must-sentences). Но утверждение,

что предложения должествования, которые используются в качестве формулировок норм, всегда могут быть заменены предложениями необходимости, безусловно, противоречило бы общепринятому словоупотреблению. «Необходимо» – это типично ананкастическое слово. «Должно» – ананкастическое *или* деонтическое.

Другое типичное использование деонтических предложений – помимо их использования в качестве формулировок норм – имеет целью конструирование того, что я предлагаю называть *нормативными утверждениями* (normative statements). Что именно означают нормативные утверждения, будет разъяснено позже (см. ниже раздел 9).

6. Не стоит думать, что *только* повелительные и деонтические предложения являются теми грамматическими типами, которые применяются как формулировки норм. Изъявительные недеонтические предложения тоже вполне обычным образом используются как выражение норм.

Когда норма является прескрипцией и ее выражение в словах есть (обычное) изъявительное предложение (indicative sentence), часто используется будущее время. «Вы покинете комнату» не обязательно выражает предсказание. С таким же успехом это предложение может быть выражением команды и быть синонимичным повелительному предложению «покиньте комнату» и деонтическому предложению «вы должны покинуть комнату».

Формулировки норм в изъявительном наклонении, в настоящем или в будущем времени, особенно распространены в правовых кодексах. Когда, например, в Конституции Финляндии мы читаем: «Президент Республики вступает в должность с 1 марта, наступающего после выборов», то предполагается не описание того, что прези-

дент обычно *делает*, но презскрипция о том, что он *должен (ought) делать*. Я отметил, что в шведском уголовном праве изъявительная форма, соответствующая «наказан» (is punished) или «будет наказан» (will be punished), и сослагательная форма, соответствующая «быть наказанным» (be punished), используются без различия для выражения норм, устанавливающих, что так должно произойти. Как я понимаю, в швейцарском уголовном кодексе постоянно используется изъявительная форма¹⁵.

7. Я надеюсь, наблюдения за языком норм в предшествующих разделах сделали ясным, что формулировки норм – лингвистически очень разнообразная группа. Она пересекается с несколькими грамматическими типами предложений, не входя полностью ни в один из них и не охватывая ни один из них. Это должно, таким образом, предостеречь нас от идеи обоснования концептуального исследования норм на логическом исследовании определенных лингвистических форм речи. Деонтическая логика, то есть логика норм, не является логикой повелительных или деонтических предложений или обеих категорий одновременно – точно так же, как пропозициональная логика не является логикой изъявительных предложений.

Вопрос о том, является ли предложение формулировкой нормы или нет, никогда не может быть решен на «морфологической» (morphic) основе, т. е. исходя из одного только видимого знака. Это было бы верным, даже если бы существовал грамматически (морфологически и синтаксически) резко очерченный класс языковых выражений, «нормальная» или «надлежащая»

функция которых состояла бы в том, чтобы выражать нормы. Ибо даже в этом случае именно *использование* самого выражения, а не его «вид», определяет, является ли оно формулировкой нормы или чем-то иным.

Когда мы говорим, что использование, а не вид выражения показывает, является ли оно формулировкой нормы, мы фактически имеем в виду то, что понятие нормы является первичным по отношению к понятию формулировки нормы. Использование, к которому мы отсылаем, определяется как *использование для выражения нормы*. Таким образом, мы опираемся на понятие нормы для определения того, используется ли выражение в качестве формулировки нормы или нет.

8. Теперь уместно сказать кое-что об отношении норм к истине. Являются ли нормы истинными или ложными? Или, напротив, мы будем думать, что у норм отсутствует истинностное значение, что нормы «находятся вне категории истинности»?

Этот вопрос являлся объектом многочисленных дискуссий. Полезно поставить его по отдельности для различных типов норм. Вполне возможно, что ответ не будет одним для всех типов. Здесь мы рассмотрим это весьма кратко, только для некоторых основных типов норм.

К примеру, имеют ли истинностное значение правила игры? Мы уже сказали о правилах игры (Ch. I, Sect. 4), что они определяют понятие <данной игры>. Шахматы, например, это «по определению» игра, которая играется по таким-то и таким правилам. Кажется ясным, что правило игры не может быть ложным. Мы можем ошибаться, полагая, что существует правило для такого-то действия, или что согласно правилам такой-то ход допускается или нет в пределах некоторой игры. Что тогда лож-

¹⁵ Ср.: O. Brusiin. Über das juristische Denken (Soc. Sci. Fenn. Comm. Hum. Litt. XVII 5, 1951), p. 51.

но, так это пропозиция о правилах. Ложная пропозиция не является правилом – она не является даже ложным правилом.

Следует ли из того, что правила игры, очевидно, *не могут быть* ложными, то, что они *должны быть* истинными? Некоторые, я думаю, назвали бы их аналитическими (или необходимыми) истинами. Я предпочитаю не называть их истинными во всех случаях, и я буду склонен к выбору этой позиции по отношению к правилам в целом. Однако нет необходимости аргументировать здесь этот пункт подробно.

Истинны или ложны технические нормы? Истинна или ложна, например, норма, согласно которой я должен закончить вечеринку сейчас, если хочу успеть на вокзал к поезду? Что, безусловно, истинно или ложно, в зависимости от ананкастических отношений в природе, так это пропозиция о том, что если я не закончу вечеринку сейчас, то не прибуду на вокзал вовремя. Что также является истинным или ложным, в зависимости от моего нынешнего состояния, это пропозиция о том, что я хочу быть на вокзале вовремя. Технические нормы, однако, не тождественны ананкастическим пропозициям; они не являются и конъюнкцией двух пропозиций о необходимых отношениях и желаниях соответственно. Отношение технической нормы к этим двум пропозициям не совсем ясно для меня, следовательно, не ясно отношение технической нормы к истинности и ложности.

В этой работе мы не будем обсуждать вопрос о статусе моральных норм (принципов и идеалов) в их отношении к истинности и ложности.

Я думаю, мы можем уверенно согласиться с тем, что прескрипции не имеют истинностного значения. Или кто-то пожелает утверждать, что *разрешение*, выраженное

словами «Вы можете припарковать свой автомобиль перед моим домом», или *приказ*, сформулированный «Открой дверь», или *запрет* «Нет сквозного движения» являются истинными или ложными?

Философы, защищавшие мнение, что нормы, как правило, не имеют значения истинности, кажется, иногда неявно отождествляли нормы с прескрипциями. Если под «прескрипцией» мы понимаем команды и разрешения, которые *выдвигаются* некоей нормирующей инстанцией для исполнителя(-ей) нормы, то отождествление норм с прескрипциями должно выглядеть чересчур большим ограничением. Если же мы понимаем «прескрипцию» в некотором более широком смысле, становится сомнительным тезис об отсутствии у прескрипций истинностного значения.

Принятие мнения, что предписания и, возможно, другие типы норм *не имеют значения истинности*, не мешает утверждать, что формулировки норм, прескрипции и другие виды норм *имеют значение* или что они *имеют смысл*¹⁶. Будем ли мы считать, что смысл или значение формулировки нормы это норма, которую она провозглашает, – это совсем другой вопрос. Подробное обсуждение такого вопроса поднимет проблемы философской семантики, которые мы не можем рассматривать в рамках настоящей работы. Некоторые комментарии на эту тему были сделаны в разделе 1.

9. Предположим, я говорю кому-то, например, в ответ на вопрос: «Вы можете

¹⁶ Еще недавно в определенных философских кругах всерьез утверждали, что формулировки норм являются в действительности «бессмысленными», так как они исключены из дистрикции истинности/ложности. Это иллюстрирует власть философских догм – в данном случае так называемой верификационной теории значения – власть искаженного использования языка в философии.

припарковать свой автомобиль перед моим домом». Является ли это <предложение> формулировкой нормы? Легко увидеть, что есть две возможности, которые мы сейчас и рассмотрим.

Ответив так, я мог бы действительно *дать* спрашивающему *разрешение* оставить свою машину перед моим домом. В этом случае предложение было (использовано как) формулировкой нормы. Такое предложение не говорит ничего, что было бы истинным или ложным.

Но эти слова могли таким же образом быть использованы для того, чтобы *предоставить* вопрошающему *информацию* о действующих правилах парковки автомобилей. В этом случае предложение являлось дескриптивным. Оно использовалось для того, чтобы сделать истинное или ложное утверждение. Я буду называть этот тип утверждения *нормативным*.

Таким образом, одни и те же слова могут быть использованы для выражения нормы (прескрипции) и для высказывания нормативных утверждений. Сверх того, эта двусмысленность, кажется, является характеристикой деонтических предложений в целом (ср. выше раздел 5).

Не всегда сразу ясно, какое именно употребление имеет место в конкретном случае. Иногда оба использования задействованы в одно и то же время. Один и тот же токен предложения долженствования, например, может быть использован как для напоминания получателю приказа о том факте, что он получил этот приказ, так и для того, чтобы придать новый акцент приказу (перездать его). Однако из возможности такого смешения не следует, что эти значения нельзя строго различить логически.

Систематическая двусмысленность деонтических предложений была, насколько

я знаю, впервые четко отмечена и выделена шведским философом Ингемаром Хедениусом (Ingemar Hedenius)¹⁷. Он придумал для (в аспекте) различения этих двух использований термины «подлинного» (*genuine*) и «фиктивного» (*spurious*) правового предложения. Подлинные правовые предложения используются для формулировки собственно правовых норм. Фиктивные используются для экзистенциального утверждения о правовых нормах (нормативные утверждения).

10. Нормативное утверждение, схематично говоря, это утверждение о том, что что-то должно или может, или не должно быть сделано (некоторым агентом или агентами, в некотором случае или вообще, безусловно или при выполнении некоторых условий). Термин «утверждение» здесь используется в смысле, который я предлагаю называть «строгим». Утверждение – в строгом смысле – либо истинно, либо ложно (предложение, которое используется для утверждения чего-то, выражает пропозицию).

Под *истинностным основанием* (*truth-ground*) нормативного утверждения я понимаю истинный ответ на вопрос о том, *почему* некоторое действие, должно или можно, или нельзя делать.

Пусть есть нормативное утверждение, например, что я могу припарковать свой автомобиль перед вашим домом. Почему я могу так сделать? Ответ может состоять в том, что существует правило, в соответствии с которым я имею на это право. Существование этого правила (нормы, прескрипции, разрешения) является истинностным основанием нормативного утверждения.

При рассмотрении *нормы* (разрешения), что я могу оставить свой автомобиль перед

¹⁷ В его книге *Om rätt och moral* (On Law and Morals, 1941). См. особенно *op. cit.*, p. 65 f.

вашим домом, можно также поставить вопрос «Почему?». Правильный ответ на этот вопрос состоит не в том, что существует норма (разрешение). Ответ говорит нам, почему эта норма (разрешение) была установлена. Таким образом, ответ указывает на цели и причины (мотивы) инстанции, давшей это разрешение.

Вообще говоря, истинностным основанием нормативных утверждений является существование нормы. Насколько я могу судить, это верно не только для прескрипций, но и для других типов норм. Почему в шахматах пешку, достигшую последней горизонтали, можно заменить на ферзя? Потому что есть правило, которое дает это «право» игрокам. Почему я должен закончить вечеринку сейчас? Ответом может быть то, что я хочу успеть на вокзал к поезду и что я опоздаю, если не уйду сейчас. В этом случае существование технической нормы является истинностным основанием нормативного утверждения.

Пропозицию о том, что такая-то и такая норма существует, я буду называть *нормативной пропозицией* (*norm-proposition*). Например: то, что существует правило, позволяющее мне припарковать свой автомобиль перед этим домом, есть нормативная пропозиция. Нормативная пропозиция истинна или ложна в зависимости от того, существует или не существует норма, о которой спрашивается.

Существование нормы – это *факт*. Истинностными основаниями нормативных утверждений и нормативных пропозиций являются, таким образом, некоторые факты. В фактах, которые делают такие утверждения и пропозиции истинными, заключена *реальность* норм. Поэтому проблему природы этих фактов удобно называть *онтологической проблемой норм*. Некоторые аспекты этой проблемы будут рассмотрены в следующей главе.